

Глава 40. Господин Еян — человек интересный

Был уже полдень. Еян Цы пересёк внутренний двор ямэня, вошёл в личные покои уездного судьи и постучал в дверь восточного флигеля.

Дверь вскоре открылась. На пороге стоял Цинь Шэнь в простом летнем халате цвета «застывшего ночного пурпура», с влажными волосами и в деревянных сандалиях. Было очевидно, что он только что принял ванну.

Еян Цы подумал:

«Всё-таки он остановился в той же комнате. Входит и выходит, когда ему вздумается, словно это не мой ямэнь, а его загородная усадьба»

Свежий пар после купания, смешанный с ароматом мыла, окутал его. Юноша слегка приподнял голову, снова позавидовав росту и телосложению собеседника.

Цинь Шэнь, опустив взгляд, тоже рассматривал его — полусухие волосы и новый халат нежно-голубого цвета. Пятна крови с белоснежной кожи были смыты, а в вырезе воротника виднелись изящные и красивые ключицы. Князь сглотнул, чувствуя, как в груди разгорается пламя.

— Обедал? — спросил он.

— Нет, — ответил Еян Цы.

Со вчерашней ночи и до сегодняшнего полудня он был занят подготовкой к обороне, сражением и устранением последствий. Ни на завтрак, ни на обед времени не было. В желудке осталось лишь несколько леденцов, которые давно растворились. Сейчас он был так голоден, что едва держался на ногах.

Странно, он ведь приказал повару накрыть стол, но не остался обедать с Чжао Етином и его людьми, а вместо этого пришёл голодным к Цинь Шэню. Он и сам не понимал, что им двигало.

Цинь Шэнь уловил в его выражении лица нотку обиды и невольно улыбнулся.

— Входи. Твой слуга принёс миску лапши, как раз хватит на двоих.

Одна миска лапши на двоих? Еян Цы вошёл в комнату, подошёл к круглому столу и увидел, что миска была огромной, почти как таз.

Ароматная пшеничная лапша ручной работы была сварена и выложена в большую миску.

Вокруг неё стояли десять маленьких тарелочек с добавками и четыре — с приправами.

— Это...

— Тёплая лапша по-линьцински, — сказал Цинь Шэнь. — Готовится просто, а летом освежает. Твой слуга сообразительный, я ему один раз объяснил, а он сразу всё понял.

Еян Цы посмотрел на тарелочки с тушёной свининой, жареными ростками сои, рубленой стручковой фасолью, баклажанной соломкой, маринованными огурцами, измельчённым омлетом, а также на приправы — ароматный уксус, кунжутную соль, чесночное пюре и кунжутную пасту — и с любопытством спросил:

— Всё это нужно смешать вместе?

— Если что-то не любишь, можешь не класть, — ответил Цинь Шэнь.

Еян Цы высыпал содержимое всех тарелочек в миску и длинными палочками перемешал. Получилась пёстрая, полная до краёв порция. На столе стояли две пустые пиалы. Он разложил еду себе и князю и не удержался от смеха.

— В прошлый раз я угощал вас простой деревенской едой, а на этот раз вы отвечаете мне городским блюдом. Вы очень внимательны.

— А как же иначе, — поддразнил его Цинь Шэнь, повторяя его же старые слова, — раз уж «даже печень дракона и костный мозг феникса тебе не по вкусу»?

Лапша была упругой, овощи — ароматными и разноцветными, а соус — идеально сбалансированным. Еян Цы, склонив голову, съел полмиски и с удовлетворением вздохнул:

— Вкусно.

Князь уже накладывал вторую порцию.

— Впредь, какими бы срочными ни были дела, не смей работать на голодный желудок. И всегда носи с собой леденцы, не забывай.

Его тон был ровным, но не холодным, словно это были небрежно брошенные слова. Еян Цы ковырял палочками лапшу, а другой рукой под столом незаметно коснулся мешочка с конфетами «драконья борода» в рукаве и тихо ответил:

— Угу.

Вдвоём они одолели огромную миску лапши.

Запив еду чаем, Еян Цы спросил:

— Где Ди Хуадан?

— Она не желает сотрудничать, я посадил её в тюрьму, — прямо ответил Цинь Шэнь. — В твоей тюрьме ведь сидит один из людей Тан Шицзина? Я велел дьянши Цзяну посадить её в соседнюю камеру.

Еян Цы, держа в руках чашку, искоса взглянул на него.

— Князь Гаотан, вы не только нарушили мои правила гостеприимства, но и не боитесь, что они сговорятся?

— Раз уж они оба служат Малому князю Лу, пусть посидят вместе, обменяются новостями, — лениво сказал Цинь Шэнь, разжёвывая чайный лист лоцзе. — Мой второй братец не из тех, кто любит откровенничать.

***

В тюрьме уездного ямэня не было ни одного тюремщика. Фан Юэ и вправду разговаривал с Ди Хуадан через деревянную решётку.

— Говорят, ты «Кровавый Колокольчик»? Так вот как выглядит знаменитая предводительница разбойников! — Узник с любопытством разглядывал собеседницу и, получив в ответ несколько убийственных взглядов, с ещё большим энтузиазмом продолжил: — Ты мужчина, переодетый в женщину, или женщина, переодетая в мужчину?

Руки Ди Хуадан были в кандалах, и её до смерти раздражал этот болтун. Ей хотелось одним ударом выбить ему все зубы.

Фан Юэ просунул лицо между прутьями решётки.

— Тебя тоже поймали. Но не волнуйся, когда я буду сбегать, то и тебя заодно спасу.

— Ты больной? — не выдержала Ди Хуадан.

— Сижу тут уже давно, — сказал Фан Юэ. — Три лепёшки и два кувшина воды в день. Тюремщик молча ставит еду и уходит, как немой. Я тут чуть с ума не сошёл от скуки. Наконец-то появился свой человек, конечно, я рад.

— Кто тебе свой? Заткнись! — презрительно бросила разбойница.

— Хе-хе, — усмехнулся Фан Юэ. — Ты меня не видела, но неужели не видела почтовых сапсанов, которых я тренировал?

Ди Хуадан замерла и, обернувшись, внимательно посмотрела на него.

— Ты из отряда Гэ Ляо в Линьцине или из резиденции князя Лу? — спросила она через мгновение.

— Я всего лишь какой-то там сокольниковый, куда мне до цянху Гэ, не говоря уже о Малом князе Лу, — ответил сокольниковый. — То ли дело предводительница Ди, вас так ценят, что даже сапсанов, летающих в ваш лагерь, тренируют по-особому.

— И как же их по-особому тренируют? — спросила Ди Хуадан.

Фан Юэ, видимо, и вправду чуть не сошёл с ума от скуки. Он злобно оскалился.

— Эти сапсаны... стоит вам произнести имя «Цинь Туань», как они впадают в ярость и выклёвывают вам глаза. Крик боли ещё больше распяляет их, заставляя бросаться в огонь. А знаешь, что у них в кольцах на лапках? Не только послания, но и порох. Попав в огонь, они взрываются — бум! — и в радиусе двух чжанов не остаётся ничего живого.

Ди Хуадан подумала:

«Цинь Туань... если однажды я перестану называть его „Цзюйцзы“ и назову по имени, он сочтёт это предательством, и даже за тысячу ли, даже в частной беседе, я не смогу скрыться от его надзора. Эти птицы — мои палачи!»

Она вспомнила разбойничий лагерь на горе Лилун и пожар в ту ночь, когда они сражались с правительственными войсками. Возможно, ей следовало бы радоваться, что огонь не добрался до клеток с сапсанами, а она и её люди уже вырвались из окружения.

— Зачем ты мне всё это рассказываешь? — Ди Хуадан свирепо посмотрела на соседа по камере.

Лицо Фан Юэ было зажато между прутьями решётки, а руки обхватывали деревянный столб. Он театрально вздохнул.

— Цянху Гэ — высокомерный человек, он не считает своих подчинённых за людей. Но мой начальник — хороший. Правда, его «доброту», хех, не каждый выдержит... но ко мне он относится хорошо.

— Что за бред, ты и вправду больной, — нахмурилась разбойница.

— Мой начальник тайно приходил ко мне, — снова усмехнулся Фан Юэ. — Сказал, чтобы я не волновался, что я не умру. А ещё сказал, что господин Еян — очень интересный человек.

Ди Хуадан искоса взглянула на него, погрузившись в раздумья.

***

Вскоре в тюрьме ямэня появился и сам «очень интересный» господин Еян. За ним, кланяясь, следовал тюремщик.

Железная дверь открылась, и Еян Цы, ступив на устланный соломой пол, приказал тюремщику:

— Снимите с неё кандалы.

Затем он, сложив руки, обратился к Ди Хуадан:

— Предводительница Ди, у меня были дела, и я поздно вернулся в город. Только сейчас узнал, что вас бросили в тюрьму. Это противоречит правилам гостеприимства, прошу прощения.

— Один изображает злого, другой — доброго, — холодно усмехнулась она. — Дешёвый трюк. Хотите меня подкупить? Жаль, но я на такое не ведусь.

Еян Цы, сохраняя спокойствие, сказал, словно болтая о пустяках:

— Я только что встречался с летучим отрядом гарнизона Дэчжоу, они решили остаться здесь. Тела разбойников и шахтёров за городом я попросил их собрать и похоронить в саду Лоцзэ, чтобы всё было по-человечески. Сейчас уже полдень, и как бы вы ни злились, а обедать надо. Еда — дело святое. Пойдёмте, я угощу вас лапшой. Хотите в бульоне, с соусом или с подливкой?

Удар Ди Хуадан пришёлся словно по вате. Она почувствовала глухое раздражение. Но собеседник был так вежлив, так искренен и дружелюбен, что отвечать ему грубостью было трудно.

— Я! Я хочу с подливкой! — закричал из соседней камеры Фан Юэ. — Со свиной головой!

Еян Цы бросил на него взгляд, но проигнорировал.

Ди Хуадан подумала, что этот сокольничий — просто ничтожество. А затем услышала, как её

собственный желудок предательски заурчал.

Еян Цы указал на открытую дверь камеры и с улыбкой сказал:

— Прощу, предводительница Ди, пойдёмте в столовую, поедим и поговорим.

Разбойница резко встала и, отряхнув с себя солому, бросила:

— Веди!

Фан Юэ с тоской смотрел им вслед и отчаянно кричал:

— Господин уездный судья, возьмите и меня с собой! Я тоже хочу лапши... Если нет лапши, то и лепёшка сойдёт. Я так устал от лепёшек с ростками сои, может, дадите с луком и яйцом?..

***

В столовой Ди Хуадан с жадностью съела большую миску лапши с подливкой, отложила палочки и принялась за суп из овощей и тофу.

За столом по обе стороны от неё сидели Цинь Шэнь и Еян Цы. На столе стоял остывающий чай и свежие абрикосы.

Допив суп, Ди Хуадан вытерла рот хлопковой салфеткой, глубоко вздохнула и, кивнув на Цинь Шэня, спросила:

— Теперь можешь назвать своё имя?

— Цинь Шэнь.

— Это ты... младший брат Малого князя Лу, князь Гаотан Цинь Шэнь. — Ди Хуадан прищурилась, и в её голосе прозвучала насмешка. — Подумать только, сам цзюньван сидит за одним столом со мной, разбойницей. Какая честь.

Князь Гаотан, положив руки на стол, невозмутимо ответил:

— В моих глазах вы в первую очередь человек, не утративший совесть, во вторую — моист-ся, и лишь в последнюю — разбойница.

Ди Хуадан на мгновение замерла, а затем усмехнулась:

— Красиво говоришь, а сам лишь хочешь выведать у меня информацию. При первой нашей встрече я догадалась о твоих намерениях. Ты хочешь чужими руками жар загребать, использовать меня против Малого князя Лу.

— Всё наоборот, — сказал Цинь Шэнь. — Это ты — нож в руках моего второго брата. Он использует тебя, чтобы сеять хаос, грабить казну и устранять неугодных.

Ди Хуадан помолчала.

— И что с того? — возразила она. — Разбойники убивают чиновников и грабят зерно, чтобы выжить. Слушаем мы приказы Цинь Туаня или нет — ничего не меняется.

— Ты сама в это не веришь, — покачал головой князь. — Тот, кто готов служить другому, делает это либо из чувства долга, либо ради выгоды. Кроме этого, остаётся лишь принуждение. Я не вижу, какую выгоду он тебе дал. И ты не можешь сказать, что делаешь это из-за глубокой привязанности к нему или общности взглядов, не так ли?

Разбойница снова замолчала.

— Я знаю своего второго брата лучше, чем кто-либо, — продолжал Цинь Шэнь. — В тот день, увидев на твоей спине татуировку моиста и вспомнив о его недавнем увлечении механизмами и целой мастерской ремесленников, я примерно догадался, чем он тебя держит... У моистов сейчас действительно есть Цзюйцзы?

Ди Хуадан резко отвернулась, не успев скрыть изумление. Она не знала, сколько известно Цинь Шэню, и решила пока выжидать.

Еян Цы взял чашку, отпил глоток холодного чая и неторопливо вступил в разговор:

— Последним Цзюйцзы, о котором есть сведения, был Цинь Шифу. После него в исторических записях нет никаких упоминаний. Титул Цзюйцзы не передаётся по наследству и не зависит от кровного родства. Его избирают из числа самых достойных последователей школы, и предыдущий Цзюйцзы вручает ему «Приказ Цзюйцзы», только тогда его признают все остальные. Так что, даже если моисты тайно просуществовали тысячу лет, как титул главы мог достаться Цинь Туаню? Разве он обладает какими-то великими добродетелями или талантами?

— Он... — Ди Хуадан открыла было рот, чтобы возразить, но замерла и снова закрыла его.

— Оставим в стороне его добродетели, — продолжил наступление Цинь Шэнь. — Он с детства не читал канонов Мо-цзы и никогда не разделял его идей. И такой человек стал Цзюйцзы, не приложив никаких усилий! Хотя, возможно, он приложил деньги. Ведь содержать целую армию ремесленников, строить «Павильон тысячи механизмов и ста перемен» и множество других устройств — на это ни одной золотой жилы не хватит.

Он сделал паузу и добавил:

— Не зная учения «мо-бянь», попирая «мо-ся» и лишь спонсируя «мо-гун», он стал новым главой. Похоже, ваша школа настолько пришла в упадок, что готова служить любому, кто платит.

Ди Хуадан вспыхнула от гнева, в котором сквозила нотка стыда.

— Не смей оскорблять всю школу! — вскричала она. — У него есть завешание предыдущего Цзюйцзы и «Приказ Цзюйцзы» в руках. К тому же он — князь целой провинции. Кто осмелится ему перечить? Сейчас учение «мо-бянь» в упадке, и его академическое влияние ничтожно. «Мо-ся», нарушая закон силой оружия, не признаются двором и скатились до уровня обычных разбойников. Лишь «мо-гун» продолжают развиваться, изучая фортификацию и военное дело, создавая механизмы и устройства. За тысячу лет, если бы не финансовая поддержка некоторых князей и вельмож, увлечённых этим искусством, сколько бы технологий было потеряно! Разве можно их винить за то, что они служат тому, кто платит?!

Последние слова она выкрикнула, и её грудь вздымалась от гнева. Цинь Шэнь больше не стал её провоцировать.

В наступившей тишине, нарушаемой лишь тяжёлым дыханием, Еян Цы спокойно сказал:

— То есть, учение «мо-бянь» сейчас не имеет значения, мастера «мо-гун» признают лишь деньги, а вы, предводительница «мо-ся», вынуждены подчиняться Малому князю Лу только из-за «Приказа Цзюйцзы», я правильно понимаю?

На лице Ди Хуадан отразилось недовольство, но она не возразила.

— А вы уверены... что «Приказ Цзюйцзы» — подлинный? — тихо спросил Еян Цы.

Словно камень, брошенный в озеро, его слова вызвали большие волны. Ди Хуадан уставилась на него.

— Что ты имеешь в виду? Ты, посторонний, никогда не видевший ни древних изображений, ни самого мандата, на каком основании сомневаешься в его подлинности?

— Я его не видел, — улыбнулся Еян Цы. — Для меня это просто древний артефакт. Раз он просуществовал более тысячи лет и не истлел, значит, сделан из металла или нефрита. Но он прошёл через множество рук, пережил бесчисленные войны. Действительно ли это тот самый «Приказ Цзюйцзы»? Если окажется, что это подделка, то как можно называть его обладателя главой моистов? И тогда вы, предводительница Ди, освободитесь от невидимых оков, не так ли?

— Ты улыбаешься так красиво, — пробормотала она, глядя ему в лицо, — но мне кажется, что

ты — лис.

Цинь Шэнь, не согласившись с последней частью её фразы, недовольно хмыкнул.

Улыбка Еян Цы стала ещё шире.

— Предводительница Ди, вы — человек с собственным мнением и должны понимать, что мы не пытаемся вас подкупить, иначе не угощали бы вас одной лишь миской лапши. Мы даём вам в руки нож. А вот перерезать ли им пути, связывающие вас, — решайте сами.

На этот раз Ди Хуадан долго молчала, а затем спросила:

— А почему вы уверены, что ваш нож окажется острым?

Еян Цы краем крышечки от чашки дважды коснулся руки Цинь Шэня.

— Потому что он — признанный всеми, и при дворе, и за его пределами, великий знаток древностей.

— Я получил приказ явиться в Ляочэн на аудиенцию к второму брату и скоро уезжаю из Сяцзиня, — сказал Цинь Шэнь. — Если мы поедem вместе с предводительницей Ди, смогу ли я увидеть тот самый «Приказ Цзюйцзы»?

Выражение лица разбойницы несколько раз менялось и наконец застыло в предгрозовом спокойствии.

— Я не могу ехать с тобой, — сказала она, — но мы можем снова встретиться в резиденции князя Лу.

— Договорились, — кивнул князь.

Еян Цы поставил чашку и закрыл её крышкой. Раздался чистый фарфоровый звук.

— «Избирать мудрейших, благороднейших, умнейших и красноречивейших мужей Поднебесной и ставить их Сыновьями Неба». От Сына Неба до последнего чиновника — все должны следовать воле народа и не могут править самовольно, не говоря уже о каком-то самозванце, чья подлинность сомнительна. В этом и заключается идеал «единения с высшим» в учении моистов.

Еян Цы посмотрел в окно на проплывающие облака.

— Предводительница Ди, вы должны верить, что учение «мо-бянь» не прервалось. В будущем непременно найдётся тот, кто, собрав мудрость всех школ, построит мир всеобщего равенства и согласия.

<http://bllate.org/book/15875/1499408>